

Глава 23. Возвращение волшебников

- Я устал как собака, - сказал Лутц.

- ...

По округе разносился безмятежный цокот конских копыт. Лутц ехал на лошади рядом со мной и продолжал смотреть вперед пустыми, как у дохлой рыбы, глазами. Я перевел взгляд на небо и ничего не ответил. Ни у кого из нас не было желания вести светскую беседу.

Когда нас похитили, то сначала бросили на холодный и жесткий пол повозки, а затем я немного переборщил с магией, с которой еще не освоился толком. Из-за постоянно напряженной обстановки, я вымотался до чертиков и вообще был никакой.

Я не мог пошевелить и пальцем, мне даже казалось, что это простое действие потребует от меня невероятных усилий, а стоило мне отвлечься хотя бы на секунду и потерять концентрацию, как мои веки начинали опускаться сами собой.

Я надеялся, что мне удастся поспать, хотя бы немного.

Солдаты и наемники из Скелза были взяты под стражу нашими соседями, королевством Винд, и их дальнейшая судьба нас не слишком-то и волновала. Решение всех дальнейших проблем легло на плечи товарищей и союзников, а наши роли на том заканчивались.

Если бы меня и Лутца насильно отправили в королевство Винд, я уверен, что оба принца, вероятно, придумали бы что-нибудь, чтобы вытащить нас оттуда.

После не особо богатого на события допроса нас отправили в путь.

Рыцари, сопровождающие нас, указали на пограничную крепость, где временно проживал Его Королевское Высочество, но мы вежливо отклонили предложение остаться.

Как только мы вернемся, то обязательно всласть выпьемся.

Наш ответ немного смутил преданных рыцарей, но после слов Лутца, никто не решился протестовать.

- Мы впервые без ограничителей, поэтому, если мы потеряем сознание и как-то потеряем контроль... нет, нет никаких сомнений в том, что что-то обязательно произойдет, - с улыбкой сказал он.

Хотя он, должно быть, устал еще больше, чем я, Лутц, казалось, разделял мои чувства.

- Даже если сейчас мы и не представляем большой угрозы, мы боимся доставить неприятности людям, проживающим в этом замке, поэтому мы воздержимся от его посещения, - с опаской сказал я, и Лутц с готовностью со мной согласился. Что было довольно необычно для него.

- Я хочу... - сказал он.

Лутц неожиданно замолчал и почти не шевелился, я беспокоился, не уснул ли он там на своей лошади?

Что? Подумал я и, обернувшись, посмотрел на него. Он продолжал рассеянно смотреть перед собой.

- ...вернуться.

- ...

В словах, что он прошептал, не было ничего необычного.

Но это был первый раз, когда слова, подобные этим, слетели с его губ.

Лутц и я познакомились в детском доме, стоял погожий летний денек, и нам было всего семь лет.

«На привидение похож», - подумал я, впервые увидев его.

У него были серебристо-белые волосы и бледная кожа, он был настолько неприметен и слаб, что терялся на фоне растущей в саду бузины. Его щуплые руки и ноги казались совершенно неуместными для мальчика того же возраста, что и я.

Его глаза цвета индиго были лишены жизни, он и сам казался едва живым.

Как воспитывали этого ребенка, что он стал похож на эту бледную имитацию человека?

Решившись задать этот вопрос вслух, я мгновенно получил ответ.

Вся жизнь Лутца была окутана тайной. Кроме его родителей о его существовании никто не знал. Ни бабушка с дедушкой, жившие далеко отсюда, ни соседи по дому.

«Как же так?» – удивился тогда еще я.

Невозможно определить наличие или отсутствие магической силы у новорождённого. Но судьба Лутца уже была решена. И пускай внешне он выглядел вполне нормальным, возможно, уже тогда начали появляться первые признаки его будущих способностей.

Когда волшебник использует свою магическую силу, его глаза зачастую меняют цвет. У меня, например, с красного на золотой, а у Лутца - с синего на серебряный.

Все волшебники в детстве практически бессильны, магия в наших телах была настолько слабой, что мы едва могли её ощущать. И все же иногда эти силы прорываются наружу, и тогда наши глаза неосознанно меняют свой цвет.

Его родители каким-то образом догадались об этом и потому решили навсегда запереть ребенка под замком? Ну, поскольку они уже умерли, мне остается лишь догадываться о том, что произошло на самом деле.

Попав в сиротский приют, Лутц окончательно замкнулся и в конце концов стал одиночкой.

Ну, он просто игнорировал всех тех, кто хотел подружиться с ним или просто пообщаться, так что, в некотором роде, он это заслужил. Я был единственным, кто не оставлял попыток сблизиться с ним.

Наши истории были чем-то похожи. Как только я родился, меня в тот же день подбросили под двери приюта. Я прожил в этом детском доме дольше, чем другие дети, и стал для них кем-то вроде старшего брата. Я любил их, но никогда искренне не считал своей семьей. Возможно, это потому, что смутно подозревал, что отличаюсь от них.

Чем сильнее я стремился к будущему, которое отвергло меня, тем больше оно меня пугало, и иногда душило.

Лутц оставался безразличен ко всем моим попыткам сблизиться, но только рядом с ним давление ослабевало, и мне становилось легче дышать. Время, которое я проводил в его обществе, увеличивалось.

Позади сиротского приюта была небольшая гора, на которой росло гигантское дерево, и его основание стало его любимым укромным местом. Как только он справлялся со своими ежедневными поручениями, он сразу же отправлялся туда, и я, иногда, следовал за ним и спал на ветвях этого гигантского дерева. Это стало частью нашей повседневной рутины.

Лутц читал, а я спал. Мы едва разговаривали.

- Пойдем обратно, - каждый раз говорил я, когда солнце близилось к закату, а он так ни разу мне и не ответил.

Я могу с уверенностью заявить, что приют не был нашим домом. Ни для Лутца... ни для меня.

Однажды зимой, когда мне исполнилось десять, я рассказал святому отцу о своих магических силах.

Несколько лет назад я почувствовал в себе неконтролируемую силу. Магия влияет на эмоции, и в моем случае меня легко одолевала "ярость".

А потом однажды этот святоша отвел меня в сторону и сказал, что ему не нравится, что я и Лутц часто проводим время вместе, а также намекнул мне держаться от него подальше. Он был "проблемным ребенком", который никак не мог ужиться с окружающими его людьми. Я же был "хорошим ребенком", который мог легко поладить с любым человеком.

Меня раздражал этот разговор и его нарочито сладкая манера речи.

- Вы ничего не понимаете! - взревел я, и огонь охватил всё мое тело.

Когда я увидел, как растерялся священник, чувство отчаяния и смирения овладело мной.

«Значит, я действительно чудовище», - подумал я.

Только благодаря Лутцу я не потерял над собой контроль.

Заметив что-то неладное, дети столпились вокруг нас. И тогда Лутц вышел вперед, протянул руки к моему горящему телу, и, после недолгого противостояния наших сил, огонь отступил.

- Я такой же монстр, как и он, - заявил он.

Я никогда не забуду выражение лица этого святоши в тот момент. Страх и безнадежность. Презрение и жалость. Все темные эмоции кипели в одном котле, и он посмотрел на нас остекленевшими глазами.

И все же святой отец продолжил настаивать на том, что мы "хорошие дети".

- Вы хорошие дети, но с упрямым характером. Вы оба важные члены нашей семьи, - говорил он.

Встречаясь и разговаривая с нами, он обычно улыбался, но стоило нам хотя бы упомянуть о магии, он ругал нас на чем свет стоит, говоря, что это зло. Магия - это проказы дьявола. Но то, как он смотрел на нас и выражение его лица в те моменты... Я искренне верил, что он и сам ужасно похож на дьявола, о котором говорит.

Все закончилось тем, что вскоре он уже перестал хоть как-то на это реагировать.

Отец окончательно закрыл на нас глаза.

Он был в отчаянии, и думал, что проблема исчезнет, если он просто проигнорирует её.

Ради нас он старался держать себя в руках. Он продолжал заботиться о нас, поэтому не избегал нашей магии. Он просто "не смог заставить себя принять этих детей", вот и все.

Время шло, и вот нам исполнилось тринадцать лет.

Люди узнали о нашем существовании, и эта извращенная игра в семью наконец-то подошла к концу. Отец посмотрел на рыцарей, пришедших взять нас под свою опеку, и, хотя его губы протестующе зашевелились, на его лице я заметил облегчение. К тому моменту наши отношения ухудшились до такой степени, что примирение стало невозможным. Он поставил точку прямо на наших глазах, больше не было необходимости притворяться и сдерживать себя.

Нас привели в королевский дворец, и там мы познакомились с принцессой, которая была на три года моложе нас.

Ее нежно вьющиеся платиновые светлые волосы длинными волнами спадали на спину, а

длинные ресницы обрамляли большие голубые глаза цвета ясного неба. Даже для такого человека, как я, который едва прикасался к книгам, она была очень похожа на тех смутно изображенных персонажей сказок, которых зовут “принцессами”, с ее самодовольным очарованием и величественной красотой.

Однако, вопреки ее невинному образу, принцесса, в которой, казалось, не было ничего кроме красоты, оказалась резкой, как хлыст. Кстати, хочу добавить, пока не забыл, она еще и довольно странная.

Поначалу мы считали, что это старший брат приказал ей подружиться с нами и завоевать наше расположение, но вскоре мы поняли, что она просто-напросто до смешного честная и наивная.

Когда мы спросили, боится ли она нас и попросили ее не жалеть нас, она откровенно подтвердила, что боится, но не перестанет нас жалеть.

Вернувшиеся обратно слова, потеряли по пути весь свой яд и скабрзность.

Мы также не почувствовали фальши в ее словах, когда она сказала, что хочет узнать нас получше. А поскольку в ее глазах не было и следа недоброжелательности, какой у нас был выбор, кроме как поверить в нее?

Она была из тех, к кому правила и нормы приличия никогда бы не позволили нам приблизиться, но принцесса никогда не теряла к нам интереса и с энтузиазмом продолжала общаться с нами.

Она никогда не расстраивалась, даже когда Лутц отвергал ее, и мало-помалу дистанция между ними сокращалась. Она нагло заявила, что хочет прикормить его, но, когда она действительно принесла конфеты ручной работы, мы, конечно, сильно удивились. Чтобы она нам не приносила, ни одна приготовленная ею сладость долго на тарелке не задерживалась, потому что то, что готовила она, было вкуснее, чем стряпня шеф-повара.

Каким бы циничным человеком я ни был, когда я сталкиваюсь с кем-то, кто прилагает столько усилий, чтобы пойти мне навстречу, я больше не могу считать это простым фарсом. Не успел я опомниться, как мое сердце наполнилось теплом, которое она дарила нам.

Для меня этого было достаточно.

Я не прошу невозможного, я лишь хочу, чтобы она приняла нас как волшебников.

Хоть я и принял решение...

Она уже давно приняла нас такими, какие мы есть. Она никогда не отводила глаз, как это делал святой отец, она всегда вела себя естественно, и, самое главное, она всегда была рядом с нами.

Как только я осознал это, с моих плеч словно камень свалился.

Мне больше не нужно было бояться быть отвергнутым. Мне не нужно было поворачиваться спиной и притворяться, что я ничего не вижу.

Во всяком случае, какими бы крутыми мы не пытались сейчас казаться, это было бессмысленно, потому что мы так и остались печкой и ледником. Когда я думал об этом, то находил эту мысль такой странной, такой забавной, что не смог удержаться от смеха.

- Здесь мое место, - сказал вслух я.

Рядом с принцессой и Лутцем. Пока они рядом со мной, мне больше не о чем было мечтать. Независимо от того, какие у нас бы были отношения, я не стал бы жаловаться.

Семья. Друзья. Даже если бы это были отношения между мастером и его слугой, я был на все согласен.

- Тео.

- Мм? Ты меня звал?

Я настолько погрузился в воспоминания о прошлом, что полностью выпал из реальности.

Судя по тому, с каким подозрением он смотрит на меня, мое молчание его беспокоило.

- Почему ты так внезапно замолчал? Животик бо-бо? - неожиданно спросил он, и я с изумлением уставился на него.

Слегка насмешливые слова звучали равнодушно, но по выражению его лица я понял, что он действительно обеспокоен. Подобного от мальчика из прошлого я никогда не ожидал услышать.

- Ух ты, а ты действительно стал добрее за эти годы.

- Что?! Кто-то беспокоится о тебе, и это все, что ты можешь сказать? Ты смеешься надо

мной? – сказал он гневно, продолжая недоверчиво смотреть на меня.

Мало того, что он стал добрее, спектр его эмоций стал гораздо шире.

– Нее, я тронут, честно.

– Драки хочешь? Так ты только попроси.

– Это все благодаря принцессе.

– ?!

Бледные щеки Лутца залились краской.

Не найдя нужных слов, он отвернулся, пытаясь скрыть свои покрасневшие щеки.

– Ты идиот.

– Может быть, – ответил я и с легким сердцем рассмеялся, Лутц больше ничего не сказал.

После этого мы молча продолжили свой путь.

Нам удавалось вздремнуть во время коротких остановок, но к тому времени, когда мы наконец прибыли, мы были полностью измотаны. Полумертвые существа, едва способные шевелиться.

С трудом передвигая ноги, мы направились не в отведенную нам комнату, а в оранжерею, где часто бывали.

На что ты надеешься, нет никакой гарантии, что она будет там? Я сам себе удивляюсь. Но я хочу увидеть ее любой ценой, и у меня было такое чувство, что я мог бы встретиться с ней там.

– ...

Я открыл дверь оранжереи.

На противоположной стороне я увидел силуэт, обрамленный зелеными листьями. Мой

взгляд поймал блеск ее платиновых волос. Она стояла к нам спиной и не замечала нас.

Но ее рыцарь-телохранитель, стоящий рядом, отреагировал незамедлительно, зафыркав от недовольства. Я приказал себе не злиться.

- Принцесса, – тихонько позвал я.

Ужасный хриплый звук, слетевший с моих губ, не мог принадлежать мне.

Я испугался, что мои слова не достигнут ее ушей, но её плечи задрожали, она услышала меня.

- Принцесса.

Крикнул Лутц, словно соревнуясь со мной. У его голоса был тот же хриплый и трудноразличимый тембр.

Но принцесса обернулась. Увидев нас, ее ясные голубые глаза широко распахнулись.

Они сейчас выпадут, рассеяно подумал я.

- ...

Её дрожащие губы медленно повторяли наши имена. Но не было слышно ни звука.

Она сделала медленный, неуверенный шаг. Когда ее телохранитель протянул руку, чтобы поддержать ее, она отмахнулась от него и, собрав всю волю в кулак, сделала еще один шаг.

- Лутц.

Наконец-то услышав голос, который он так долго ждал, Лутц смутился и коротко ответил:

- Что?

- Тео.

- Да, принцесса? – ответил я с не скрываемым восторгом, и мои губы расплылись в широкой улыбке.

От удивления ее взгляд медленно заволокло туманной дымкой. Вместо голоса с ее губ срывался лишь воздух. Она едва смогла выдавить из себя улыбку.

– Тео, Лутц.

Еще раз назвав наши имена, капли слезы, похожие на драгоценные камни, быстро заскользили по ее щекам. Они падали одна за другой.

Принцесса рыдала, не скрывая своего заплаканного лица.

– С воз...возвращением до...мой... – безудержно всхлипывала она.

То, что я чувствовал в тот момент, было безудержной радостью.

Это чувство болезненно заполнило мое сердце. Облегчение, которое пришло с получением того, что я всегда хотел, было настолько сильным, что могло разорвать меня на части. И, вроде бы, для печали не было повода, так почему же мне хочется рыдать вместе с ней?

Если я не смог сдержать своей ухмылки, когда увидел ее, значит ли это, что я был обведен ею вокруг пальца?

Не обращая внимания на свою внешность, она плакала от счастья.

– Мы вернулись.

Наконец-то я нашел его.

Место, которое принадлежит и мне.